

Посвящается Джереми

1

Когда Гаррисоны последний раз посещали загородный клуб Тенни-Харбор, окна были припорошены снегом. Прогноз погоды обещал обильные осадки до самого утра, и западная лужайка уже покрылась пушистым белым одеялом. Мать-природа не смела разочаровывать Гаррисонов, намеревавшихся красиво встретить Рождество.

Перл Хаскинс ждала их с особенным интересом. Она была миниатюрной, худенькой брюнеткой с короткой стрижкой и странным выражением глаз, которые при ближайшем рассмотрении оказывались разными — один карий, другой голубой. Перл поздоровалась и вручила Гаррисонам винную карту, они же смотрели сквозь нее, не замечая официантку и не имея представления, что ее отец работал у них уже почти три года, а в данную минуту устроился около обогревателя в сторожке их дома и смотрел на планшете баскетбольный матч. Дэвид Гаррисон заказал скотч и минеральную воду, его

жена Слоан — белое вино. Джозеф, десятилетний младший сын, покосился на меню и заявил:

— Я буду пиво, — чем заслужил смех сестры, Кэссиди, и укоризненное «Я тебе покажу пиво» от матери.

Отсутствие Тристана Гаррисона, без сомнения, заметила не только Перл, но и все остальные в зале. Уже неделю в клубе ходили слухи: Гаррисоны приехали на зимние праздники в Тенни-Харбор, впервые. Теперь любопытные недосчитались одного из их замечательных детей.

Когда Перл вернулась с напитками и корзинкой хлеба, Лу Пуласки, который иногда играл с Дэвидом в гольф, подошел и хлопнул главу семьи по плечу:

— Решили провести выходные в здешних снегах? Чертовски рад тебя видеть. А где ваш старший?

Дэвид встряхнул салфетку и поиграл скулами.

— Остался дома.

— В Гринвиче?

Молчание.

— Нет.

Перл бросила быстрый взгляд на Слоан. Та не поднимала глаз. Дети тоже. Лу неловко похихикал и сменил тему, а Перл приняла заказ и с радостью удалилась.

Одна из дверей на кухню была чем-то подперта, и над проемом висел сверкающий хвойный шар, под которым полагается целоваться. Несколько помощников официантов стояли поблизости, ухмыляясь и ожидая, когда пройдет какая-нибудь девушка.

Перл резко развернулась и врезалась в Риза, который удержал ее от падения. Глаза у него слегка покраснели после рождественской вечеринки, которую он обслуживал до начала смены.

— Смотри, куда идешь, Хаскинс, — сказал он.

— Сам смотри. — Она наблюдала за ним весь вечер — кто-то должен был это делать, — пока он точил лясы, балагурил, разливал пино-нуар на скатерти, складывал для детей гусей из бумажных салфеток и заигрывал с дамами, которые годились ему в бабушки. Пусть даже подшофе, он обошел ее в чайных — как всегда.

Позади них Индиго Коннер произнесла нараспев:

— Давайте, ребята, — и похлопала по шару, отчего тот закачался.

Все начали скандировать:

— По-це-луй! По-це-луй!

Перл выставила вперед свой поднос, как щит.

— За такое я могу и убить ненароком.

Риз улыбнулся, пожал плечами и отступил. Когда девушка повернулась, он взял в руки ее лицо и приложился к ее губам.

Перл закрыла глаза и склонилась к нему, чувствуя в его дыхании запах ромового гоголя-моголя. Кончики его пальцев скользнули к ее вискам и погрузились в волосы. Народ одобрительно свистел и улюлюкал. Когда Риз наконец отпустил Перл, девушка пошатнулась, словно только поцелуй и держал ее на ногах.

Риз, не оглядываясь, вошел в кухню; помощники официантов стали хлопать парня по спине и ерошить ему волосы. Перл вытерла рот, оправила клубную блузку и галстук и ощутила слабость и дрожь в коленях. Подняв взгляд, увидела, что за ней наблюдает Индиго.

Проходя мимо, та чуть улыбнулась и дотронулась до руки Перл:

— Все, как ты мечтала, бедняжка?

Перл покраснела как рак и уставилась на коллегу. Она так ясно видела, что сделает дальше: схватит Индиго за густой кудрявый хвост, подтащит к столу, и от ударов ее кулаков зазвенит фарфор-хрусталь.

А на самом деле с пылающими щеками и со слезами в глазах она направилась к выходу во двор. Не хватало еще, чтобы Индиго видела, как она плачет.

Оказавшись на улице в темноте, Перл шарахнула кулаком по стене и сползла на землю, подставляя лицо пронзительному ветру. Всего лишь минутная слабость. Потом девушка встала и, гордо вскинув подбородок, вернулась к своим обязанностям, пока маленькая нацистка Меривезер — ей бы служить в концлагере надзирательницей — не высунулась во двор узнать, кто отлынивает от работы.

Через пятнадцать минут, умывшись и причесав вихор, Перл принесла Гаррисонам заказ. Ей показалось, что Кэссиди изучает ее разноцветные глаза. В этом не было ничего необычного — так все делали, — но Перл опасалась, что выглядит заплакан-

ной. Со стороны кухни послышалось ликование: помощники официантов поймали новую жертву.

— Что-нибудь еще?

— Нет, — отрывисто ответил Дэвид. Не глядя на девушку, он впился в жареного утенка.

Перл слегка склонила голову и отошла, старательно обходя Индиго и Риза на случай, если на нее снова накатит желание отомстить обидчице.

Гаррисоны ужинали. На сцене Стив Миллс, по выходным выступавший под аккомпанемент маленького рояля с традиционным коктейльным репертуаром, начал играть старый рождественский блюз «Merry Christmas, Baby». Как только Гаррисоны опустошили вазочки с крем-брюле, он сказал в микрофон:

— Приятно видеть, что наши перелетные птицы Гаррисоны присоединились к нам за два дня до Рождества. — Он пробежался пальцами по клавишам. — Давайте попробуем упросить Кэссиди подняться сюда и исполнить что-нибудь соответствующее сезону.

Присутствующие дружно издали удивленный вздох и обернулись к Гаррисонам. Просить семнадцатилетнюю одаренную пианистку Кэссиди «исполнить что-нибудь» было все равно что пригласить Леонардо да Винчи принять участие в шарадах с рисунками. Раздались редкие аплодисменты.

Слоан что-то прошептала Кэссиди. Со своего места у наряженной ели Перл показалось, что мать под столом стиснула колено дочери. Кэссиди спо-

койно отодвинула стул и поднялась по ступенькам на сцену. Все с облегчением захлопали.

Прямая и тонкая Кэссиди движением головы откинула назад волосы и поставила пальцы на клавиши. Она словно была высечена из слоновой кости — невозмутимая и безупречная в свете потолочной лампы, длинные белесые волосы струились по спине на фоне темно-синего платья. Перл, которой только в прошлом месяце исполнилось восемнадцать, никогда не доводилось встречаться с такими уверенными в себе ровесниками.

Из-под пальцев пианистки полились звуки «Gloria in excelsis Deo»*. Она пела по-латыни чистым, хрустальным голосом; слов Перл не понимала, но музыка ее тронула. Глаза у нее снова увлажнились, на этот раз от приятных переживаний, и она стояла возле елки с мерцающими фонариками и немецкими шарами, внимая, как потом оказалось, лебединой песне Кэссиди Гаррисон.

Публика слушала затаив дыхание, пока последний звук не растаял под потолком. Тогда раздались громовые аплодисменты. Люди встали. Кэссиди тихо сказала в микрофон «спасибо» и вернулась к своей семье, невозмутимо воспринимавшей очередное выступление дочери и сестры, которая в восемь лет покорила Концертный зал Бостонского симфонического оркестра.

---

* «Слава в вышних Богу» («Глория») — христианский богослужебный гимн, часть католической мессы.

Вскоре после этого Гаррисоны отбыли, надев пальто из кашемира и превосходной шерсти. Джо-зеф один раз громко хохотнул, семья вышла в ночь, и двери за ними закрылись.

Вечер постепенно заканчивался, члены клуба подписывали чеки и по пути в гардероб желали друг другу счастливого Рождества. Когда Перл пошла на кухню, чтобы отнести последний заказ на десерт, хвойный шар уже сняли, а двери были закрыты; помощники официантов ходили с пристыженным видом и отводили глаза. Меривезер тоже была там. Все веселье как ветром сдуло.

После закрытия Перл подождала у своей машины, чтобы убедиться, что Риз может сесть за руль. В вязаной шапке, сунув руки в карманы дешевенького пальтишки, она переминалась с ноги на ногу, наблюдая за дверью служебного входа.

Риз появился, навалившись на Индиго и зарывшись лицом в искусственный мех ее воротника. Он что-то шептал девушке на ухо, и та заливисто смеялась. Не замечая в темноте Перл, парочка прошла мимо его машины к «скайларку» Индиго.

Перл, кусая губы, нырнула в свой автомобиль; знакомая обида снова стала снедать ее. Она завела мотор одновременно с Индиго и поехала вслед за ними по Харбор-роуд, где слева простирался массивный угрюмый океан. Перл выдерживала дистанцию, видя в свете фар очертания голов Риза и Индиго. «Скайларк» лениво вилял. Ну и пусть Индиго круглый год ездит на летней резине. Зато в девят-

надцать лет она живет одна и делает все, что ей заблагорассудится.

Дом Перл находился на Эббот-стрит, а берлога Риза на Оушен-авеню, но Перл была уверена, что эти двое не станут сворачивать туда. Она преследовала их до знака «Стоп», где зад «скайларка» медленно занесло, автомобиль вильнул на Мэйн-стрит и затормозил, встретившись со снегоуборочной машиной. Заревел гудок. Безмолвно раскрыв рот, Перл вытянула руку, словно чтобы подстраховать их.

«Скайларк» зарычал, запыхтел и отъехал на противоположную полосу, чуть не оцарапав борт о снегоуборочную машину, потом обалдело постоял несколько секунд, затем колеса закрутились, и он двинулся дальше.

Перл прерывисто вздохнула. Зная Риза и Индиго, она могла предположить, что они сейчас ржут до упаду: смотри, что мы отчебучили! чуть не врезались!

А может, они смеялись над ней. Вдруг догадались, что Перл все видела, что она преследует их в метель, с колотящимся сердцем, утирая нос, в одежде, пропахшей жареной уткой, только чтобы убедиться в своих подозрениях: да, парочка едет к Индиго, чтобы лечь в постель и проделать то, чего с Перл еще не случилось, потому что единственным человеком, к которому ее влекло, был Риз.

Она вернулась домой, в безмолвный домик на Эббот-стрит. Приняла душ, оставила свет для отца,

который вернется не раньше четырех часов утра, потом свернулась калачиком под одеялом и уставилась в стену. Никогда еще она так себя не презирала. Хотелось вылезти из кожи и выбросить ее, словно липкий купальник, стереть из памяти, как она, полная идиотка, у всех на глазах ответила на поцелуй Риза.

Сон не шел почти до полночи. На улице по-прежнему падал снег.

А в это время на другом конце Тенни-Харбор Гаррисоны горели в своих постелях.